

А. В. Лыткина⁴

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБРАЗЦЫ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Сегодняшнее время — это время господства коммуникации, чья «луженая глотка будет господствовать в XXI веке» (Р. Дебрэ). Современное постиндустриальное, информационное общество живет иллюзией, что технические средства, завоевав пространство, подчинили себе и время. Но безраздельное господство этого феномена, по мнению французского мыслителя Р. Дебрэ, ведет к кризису культуры, утрате связей между прошлым и настоящим, между «когда-то» и «теперь»⁵. Исследователь полагает, что ренессанс коллективной памяти, хронологии, обладание общим прошлым пролегает через «континент Передачи», суть которой — «в переносе информации во времени, между различными пространственно-временными сферами»⁶. Речь идет о передаче ценностей, знаний, идей, концепций, осуществляемых посредством институтов и авторите-

тов, с опорой на основные локусы (музей, библиотека, школа, церковь, академия и т. д.).

Р. Дебрэ в расширении зон мобильности («Теперь по Интернету мы плаваем легче, чем по хронологии»), в подчинении длительного (передаче культурных благ. — Л. Л.) эфемерному (коммуникации. — Л. Л.) видит признаки кризиса цивилизации. Но передача — это не просто сохранение; это то, что позволяет коллективу, нации осознавать себя единым целым, сохраняя то, что будет отличать их от «иных», «других». Передача есть преобразование, преображение, построение идентичности. Это движение против беспорядка, агрессии, энтропии, дисперсии⁷; передача — это долгосрочное послание.

Поль Валери в «Обрывочных историях» суть термина «передача» выразил так: «Важнейшим триумфом человека... является то, что он сумел перенести на завтра последствия и плоды вчерашних трудов». Передача — это «поддержание пути»; когда «мертвый сумел схватить живого, но живой сумел восторжествовать над мертвым»⁸.

Медиология как учение о средствах передачи знаний и традиций может стать методологической основой прослеживания путей духовного наследования, а также разрывов отношений между поколениями в истории отечественной журналистики.

⁴ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор около 90 научных публикаций, в т. ч.: «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века: взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка», «Очерковая проза Европейского Севера России», «Российская журналистика Александровской эпохи», «Статьи Л. Н. Толстого начала XX века», «Российская протоглянцевая журнальная периодика» и др.

⁵ Дебрэ Р. Введение в медиологию. М., 2010. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Дебрэ Р. С. 29–30.

⁸ Там же. Указ. соч. С. 28.

Исследование «движения русской журнальной периодики» (Белинский) началось еще в 1810-х годах (подготовительные заметки князя Вяземского к изданию журнала Вольного общества «Арзамас») и продолжается до сих пор. В публикациях А. Западова, Б. Есина, Е. А. Корнилова, Р. Овсеяна, И. Кузнецова, Л. Громовой, С. Махониной, А. Станько, А. Акопова и многих других история российского научно-популярного журнала предстает в двухмерном, оптическом измерении. Современные же интерпретационные и реинтерпретационные практики требуют трехмерного, синергетического прочтения феномена.

Российская академическая журналистика началась с 1727 года изданием газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Она, по словам Г. Балицкого, «не оставила по себе ни влияния, ни следа... но не дала умереть совершенно периодической печати в России»¹. Первым же повременным научно-популярным журналом в стране следует считать «Исторические, генеалогические и географические примечания», выходившие с 1728 по 1742 год на русском и немецком языках. Издание имело прикладное назначение — служить пояснением неясных и незнакомых мест, встречающихся в текстах академической газеты.

Но инициатор издания «Примечаний» и первый редактор Г. Ф. Миллер вскоре превратил их в самостоятельный орган, призванный просвещать читателей, представлять информацию из различных областей наук естественных и гуманитарных. С 1733 года «Примечания» дополнились «Частью литературной» (стихи, художественная проза). Так впервые была выстроена архитектура российского научно-популярного издания.

Российский журнал с момента своего зарождения формировался как издание, ориентированное на «безличную публику», как «чтение для любопытства, добровольного желания узнать что-то»².

В этом видится отказ в поддержке европейских образцов: французского «Журнала ученых» (1665) Д. де Сало, английских «Философских трудов Королевского общества» (1665) Г. Ольденбурга и научно-литературно-библиографической периодики XVII–XVIII веков (например, «Афинский Меркурий» Д. Дантона, издававшийся в 1691 г.), немецких «Ученых записок» (1682) О. Менке и др. Все они формировались по типологии журналов-ревью.

Возникший в 1755 году при Санкт-Петербургской академии наук научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» заголовком подтвердил интеракцию между изданиями: первая часть — научно-популяризаторская, вторая — «для увеселения читателя». Подобная композицион-

ная интенция уже становилась неким медиумом, конституирующим феномен передачи: российский «толстый» научно-популярный журнал являлся каким-то энциклопедическим сборником, соперничающим со школой и университетом и вытесняющим из обращения книгу»³.

Частная российская журнальная периодика 1756–1790-х годов важным для себя полагала налаживание коммуникационных отношений с аудиторией. Такими были журналы «Праздное время, в пользу употребленное» (1756–1760), «Трудолюбивая пчела» (1759), «Полезное увеселение» (1760–1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763), «Доброе намерение» (1764), «Поденщина» (1769), «Полезное с приятным» (1769), «Адская почта» (1769), сатирические журналы Н. Новикова 1769–1774 годов, «Всякая всячина» (1769–1777), «Собрание новостей» (1775–1776), «Утренний свет» (1777–1782), «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793) и др. Но эти журнальные опыты не были лишены направления: публицистические начала составляли обязательный компонент их содержания. Ориентация на коммуникативные филиации переводила наследование традиций в пространство импликации.

Внешнее нарушение непрерывности в развитии ранней российской научно-популярной периодики было компенсировано «Санкт-Петербургским журналом» (1797) И. П. Пнина. В связи с этим заслуживает упоминания не получившее пока концептуальной оценки в научной литературе издание профессора Сохацкого «Политический журнал с показанием ученых и других вещей» (М., 1790). В нем были описаны все политические события во Франции тех лет. В журнале проводились взгляды умеренной конституционной партии⁴.

Издания различных вольных обществ, существовавших в Санкт-Петербурге и Москве с 1801 по 1820-е годы, служили неким претекстом научно-популярным журналам первой трети XIX века («Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Московский телеграф») или интенционально приближающимся к этому типу («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Невский зритель», «Отечественные записки», «Северный вестник», «Аврора», «Академические сочинения», «Северный архив», «Московский вестник» др.).

Процесс становления российской научно-популярной периодики середины XVIII — начала XIX века был осложнен неспешным формированием институтов, мест идентификации, способных к «увекочению идей», идущих через поколения.

¹ Балицкий Г. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. С. 64.

² Там же. С. 4–5.

³ Шлосберг А. Начало периодической печати в России. СПб., 1911. С. 4.

⁴ См. об этом: Пятковский А. Из истории нашего литературного и общественного развития. Монографии и критические статьи. СПб., 1876. Т. 2. С. 72–73.